

<https://doi.org/10.5281/zenodo.5776179>

УДК 821.161.1

Мельникова Л.А.

Мельникова Любовь Александровна, кандидат филологических наук, Балашовский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Саратовский государственный национальный исследовательский университет», Россия, 412300, Саратовская обл., г. Балашова, ул. Карла Маркса, д. 29. E-mail: lmelnikova5@mail.ru.

Образ Гёте в повести В. А. Пьецуха «Ночные бдения с Иоганном Вольфгангом Гёте»

Аннотация. В статье подвергаются осмыслению особенности репрезентации образа И.В. Гете в повести В.А. Пьецуха «Ночные бдения с Иоганном Вольфгангом Гёте». Делается вывод о том, что «великий немец» предстает перед читателем в данном произведении в трех ипостасях: как поэт, ученый и мыслитель. Посредством совмещения высокого и гротескового начал русский писатель создает амбивалентный образ немецкого автора. Посредством воссоздания диалога великого немецкого писателя с рядовым русским филистером, обладающим философским складом ума, В. А. Пьецух выражает свои собственные взгляды на природу и сущность искусства, назначение художника, особенности русского и немецкого менталитетов, специфику российской действительности, исторический путь нашей страны в контексте ее взаимоотношений с европейскими государствами.

Ключевые слова: Гете, В.А. Пьецух, повесть, репрезентация, постмодернизм, межкультурная коммуникация, гротеск.

Melnikova L.A.

Melnikova Lyubov Alexandrovna, PhD, Balashov Institute of Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky, Russia, 412300, Saratov region, Balashov, K.Marxa str., 29. E-mail: lmelnikova5@mail.ru.

The image of Goethe in the story by V. A. Pyetsukh ‘Night vigils with Johann Wolfgang von Goethe’

Abstract. The paper examines the specific features of the representation of J. W. von Goethe’s image in the story by V. A. Pyetsukh ‘Night vigils with Johann Wolfgang von Goethe’. It is concluded that the ‘great German’ appears before the reader in three guises in this work: a poet, a scientist and a thinker. By combining the lofty and grotesque beginnings, the Russian writer creates an ambivalent image of the German author. By reconstructing the dialogue between the great German writer and an ordinary Russian philistine having a philosophical mindset, V. A. Pyetsukh expresses his own views on the nature and essence of art, the purpose of the artist, the peculiarities of the Russian and German mentality, the specific features of Russian reality, the historical path of our country within the context of its relations with European states.

Key words: Goethe, V. A. Pyetsukh, story, representation, postmodernism, intercultural communication, grotesque.

Творческое наследие И.В. Гете неоднократно становилось предметом особого интереса различных писателей последующих эпох: Х. Ортеги-и-

Гассета, Ф. Верфеля, И.А. Гончарова и других.

Обращается к личности этого немецкого автора и отечественный прозаик XX-

XXI веков В.А. Пьецух (1946–2019), творчество которого традиционно рассматривается в рамках постмодернизма [1, с. 84] Эстетические установки данного художественного метода получают свое воплощение уже в самом названии повести В.А. Пьецуха, содержащем аллюзийную отсылку к «Ночным бдениям» Бонавентуры, в которых ночной сторож общается с тенью поэта. Споры об авторстве последнего текста ведутся до сих пор. Некоторые исследователи придерживаются мнения, что создателем данного произведения является Ф. Шеллинг, другие убеждены в том, что таковым является А. Клингеман [3, с. 88].

Рассказчик в повести В.А. Пьецуха предстает весьма начитанным человеком: он знаком с творчеством Ф. Рабле, «Историей Рима» Моммзена, 16 раз перечитал «Гамлета». При этом писатель иронически показывает, что чтение способствует погружению данного персонажа в мир идеалов и грез, а также порождает у него заведомо нереализуемые идеи по преобразованию окружающей его общественной среды. Последняя деталь позволяет, на наш взгляд, имплицитно провести параллели между образом повествователя и образом Дон Кихота.

Название анализируемого в настоящей статье произведения подчеркивает доминирование иррациональных элементов в его поэтике. Бдение означает состояние бодрствования, напряженного внимания. Действительно по ночам нарратор оказывается оживленным собеседником великого И.В. Гете. С самого начала повествования рассказчик признается читателю в том, что чтение действует на него расслабляюще, нездорово, так как во время него в его сознании начинает стираться граница между реальностью и вымыслом. Герой глубоко погружается в художественный мир читаемого им произведения, становясь непосредственным участником описываемой истории посредством перевоплощения в одного из ее персонажей. С учетом последнего обстоятельства бдения можно рассматривать и как сон, и как галлюцинации. Сам повествователь считает

свои видения бредом и в то же время ставит под сомнение данное убеждение: «если только это взаправду это бред, а не выход в какое-то иное бытийное измерение» [6].

В повести В. Пьецуха нарратору – рядовому русскому филистеру, увлекающемуся чтением классики, склонному к философским рассуждениям – после прочтения им «Мариенбадской элегии» начинает являться И. В. Гете, представляющий собой наглядный пример поистине разносторонней личности.

Гиперболизм деталей, присутствующий в портрете-представлении И.В. Гете, с одной стороны, подчинен цели подчеркнуть исключительность личности великого немецкого писателя, получающую отражение и в его внешнем облике, с другой – преувеличения способствуют некоторому снижению восприятия, сообщая образу данного немецкого автора несколько гротесковые оттенки: «Он был одет в темно-синий фрак с золотыми пуговицами, от которого здорово припахивало чем-то затхлым <...> на ногах у него были короткие панталоны, белые чулки и дамские туфли с невероятно большими подагрическими шишками с внутренней стороны стоп. Лицо у него было необыкновенное: сливовые глаза источали доброжелательность и тоску, из ушей росли волосы, а нос был предлинный, примерно в полторы нормальных величины, и оттого создавалось впечатление, будто он не совсем человек или человек, принадлежащий к какой-то четвертой расе» [6].

При этом повествователь осознает вневременной масштаб личности И.В. Гете, признает его величие (он называет его в повести «великий немец»), но в то же время он далек от идеализации последнего, стремится к объективной оценке своего собеседника и в соответствии с этой установкой констатирует, что великий немец «ко всему потерял интерес и томится своей звездой» [6].

И.В. Гете раскрывается в повести В.А. Пьецуха в трех ипостасях: как поэт, как мыслитель и как ученый. Первоначально В. А. Пьецух сосредотачивает вни-

мание на поэтической составляющей наследия этого великого немецкого художника слова. Отвечая на вопрос русского читателя о причинах создания Мариенбадской элегии, И.В. Гете попутно излагает свою точку зрения на предназначение поэта: «<...> художник работает для того, чтобы передать непосвященным свое чувство жизни во всех ее проявлениях – от глубоко интимных переживаний до социально-экономических катастроф» [6]. Затем акцент делается на научной деятельности И.В. Гете и лишь после этого данный персонаж начинает раскрываться в качестве философа.

Несмотря на национальный и языковой барьеры, повествователь и И.В. Гете, будучи представителями различных эпох и обладателями разных менталитетов, без труда понимают друг друга: «беседовали мы вроде бы по-русски и вроде бы по-немецки, но при этом досконально понимали друг друга, не оставляя места иносказаниям и темнотам» [6]. Подобное странное взаимопонимание можно, с одной стороны, символически трактовать в качестве намека на объединяющую силу литературы, способствующей эффективному диалогу представителей различных наций, возрастных и социальных групп, с другой – рассматривать как указание на ирреальность описываемых событий в произведении, скрытую неуверенность повествователя в действительности происходящих бесед.

Явления И.В. Гете происходят в ночное время. Нарратор отмечает, что всего подобных визитов (так называемых «бдений») было 15, но описывает он только 4 из них, комментируя это следующим образом: «Всегда выгодней умолчать, если хоть какая-то возможность предоставляется умолчать, ибо умолчание все-таки не так чревато бедой, как безоглядная откровенность» [6]. Отдельного комментария требует семантика числа 4. В нумерологии оно является символом постоянства. Вопросы, обсуждаемые во время четырех бдений (назначение художника, сущность искусство, национальный космос России и

т.д.), относятся к числу «вечных», на них по определению невозможно найти исчерпывающие ответы. В то же время можно предположить, что нарратор описывает содержание только четырех бесед просто потому, что не помнит содержания остальных.

Круг тем, на которые беседуют русский обыватель и классик немецкой литературы, оказывается в повести достаточно широк. При этом их разговор часто приобретает дискуссионный характер, иногда перерастая в столкновение точек зрения собеседников. Персонажи размышляют о сути войн и революций, о смерти и бессмертии, загробной жизни, вечном блаженстве, национальных особенностях жителей разных стран и т.д.

В. А. Пьецух представляет в своей повести любопытный вариант диалога начитанного русского обывателя и великого немецкого писателя, представляя его как один из частных случаев межкультурной коммуникации. На это указывают рассуждения нарратора о некоторых особенностях русского («нервный русский человек не так боится опасности, сколько опасности опасности» [6]) и немецкого («немцы – народ изобретательный и коварный, они категорический императив выдумали, на них не приходится удивляться, как на промысел высшей силы» [6]) национальных характеров, которые предшествуют непосредственному появлению И.В. Гете перед читателем.

Необходимо отметить, что русская тема чрезвычайно важна в художественном мире В. Пьецуха [2, с. 242]. Она является неотъемлемой составляющей многих текстов этого автора – эссе, литературно-критических и публицистических работ: «В чем наша вера», «Открытие России», «Русская тема», «Русский – это не только национальность, но прежде всего настроение», «Уроки родной истории». Обращает на себя внимание тот факт, что в своих публицистических текстах В. А. Пьецух, касаясь специфичных черт различных национальных характеров, вовсе не стремится подчеркнуть превосходство одного

над другим, а показывает читателю самобытность каждой культурной традиции, ее неповторимость и кажущуюся на первый взгляд парадоксальность [5, с. 119]. Данная тенденция сохраняется и в повести «Ночные бдения с Иоганном Вольфгангом Гете», в которой важное место отведено размышлениям об особенностях русского и немецкого менталитетов. Излагая точку зрения И.В. Гете на русских, В. А. Пьецух делает попытку представить в своей повести «взгляд со стороны» на российскую действительность. Касаясь проблемы российско-европейских отношений, И.В. Гете констатирует, что «русские сами виноваты в том, что Европа <...> изредка вспоминает о существовании России с чувством некоторого превосходства, когда у вас случается очередной скандал» [6]. Основное противоречие русских, по мнению И.В. Гете, заключается в том, что, будучи биологически европейцами, они стремятся стать частью европейской культуры, но все их попытки терпят неудачу, поскольку и душой, и разумом они азиаты. В ответ на это повествователь делает вывод о том, русские чужды и европейцам, и азиатам. Своеобразие российских реалий и поведения русских людей позволяет рассказчику заключить, что Россия – это не территория, а планета.

Гете рассматривает специфику российской ментальности в европейском контексте: «В России же законы не чтят, дела своего не знают, к Богу относятся либо излишне чувственно, либо непонятно враждебно, и поэтому ради душевного спокойствия напропалую читают Байрона и Гюго. Русские спасаются начитанностью, как англичане бытом, французы легкостью, итальянцы ребячеством, немцы обстоятельностью, финны водкой» [6].

Россия и Германия ко всему прочему разнятся и общественными настроениями. Немецкий обыватель пребывает в состоянии относительной успокоенности, что объясняется тем, что буря народного негодования истощила себя еще во времена Реформации, немецкий быт установился, упорядочился, а самое главное запросы и

возможности немцев пришли в относительное равновесие. Каждый в Германии занимается своим делом: политик – политикой, литератор – литературой. Российский же социум пребывает в состоянии хаоса. Часто русский обыватель не может направить свою энергию в нужное русло, выбрать себе сферу деятельности, определить, кто должен заниматься только политикой, а кто – только литературой. Отсюда возникает трагическое противоречие российской действительности, которое, согласно точке зрения Гете, заключается в том, что «в России все знают все, толкуют о высоких материях и ни одного дела не доводят до логического конца» [6].

Одной из главных для обсуждения в повести является и проблема сущности искусства и назначения литературы и художника слова. Гете оказывается достаточно категоричным в данном вопросе, так как полагает, что поэт делает поэтом умение выражать живое ощущение окружающей его действительности. Последовательно выстраивая в рассуждениях И. В. Гете оппозицию «мир художников» - «мир обывателей», В. А. Пьецух показывает, что характер и поведение «великого немца» оказываются отмечены некоторым высокомерием. Немецкий писатель убежден в исключительности литературы, указывая на то, что она ориентирована далеко не на всех читателей. Творение одного автора, по его мнению, по-настоящему понять и по достоинству оценить может только другой художник слова – элитарный характер творчества. Рядовой читатель не способен дать объективной оценки ввиду недостаточного уровня своего развития. Представителей социума, по мнению И.В. Гете, можно разделить на две большие категории: гении и обыватели. Гении являют собой исключительных личностей, противопоставленных толпе по уровню своего интеллектуального развития и осознающих свое превосходство над ней. При этом воздействовать на читательскую массу могут далеко не все авторы, а только те, которых можно отнести к категории гениев. Среди писателей И.В. Гете тоже проводит града-

цию, констатируя, что дифференцирующим признаком между ними является их отношение к жизни: «сочинители из проstackов пишут о том, что жизнь есть жизнь, художники без дарования настаивают на том, что жизнь прекрасна, а гении вещают: жизнь прекрасна, но жить нельзя» [6].

В финале своих рассуждений по данному вопросу Гете выносит приговор читательской среде: «Сочинением и чтением книг занимаются люди не совсем нормальные <...> у которых в крови недостает какого-то ценного элемента» [6].

Высказывания Гете относительно литературы и писателей способствуют амбивалентности восприятия его образа в сознании читателя. С одной стороны, в ряде случаев он демонстрирует откровенный снобизм. В ответ на упоминание повествователя о легенде, согласно которой И.В. Гете послал Пушкину свое перо, тот отвечает: «у меня было много корреспондентов, а уж сколько я своих перьев поразослал – это не сосчитать» [6]. С другой стороны, он показывает, что старается избегать самолюбования и откровенно признается, что если бы он знал заранее, сколько прекрасных текстов было написано до него, он не написал бы ни строчки.

Завершается описание диалогов И. В. Гете и повествователя на пессимистической ноте, подчеркивающей трагичность человеческого бытия, зачастую чрезмерно скованного человеческой культурой: «Со временем культура сделает свое дело и отомрет» [6].

В повести осуществляется смешение высокого и низкого начал. Ночные погру-

жения повествователя в сферу искусства, осуществляемые им ночью, соотносятся по принципу контраста с описанием неприглядных реалий трудовых будней рассказчика, занимающегося ремонтом труб в подвале, сбором бутылок, а иногда и просто нищенствованием и прошением милостыни. Но это не мешает ему со знанием дела рассуждать об искусстве и литературе. Ирония, присутствующая в описании образа данного героя, подчеркивает одно из главных качеств художественного метода В. Пьецуха, а именно стремление к раскрытию парадоксальности как исторического действия или события, так и повседневного бытия человека [4, с. 54].

Подводя итог всему вышесказанному, можно заключить, что доминирование иррациональных элементов, смешение высокого и низкого начал, дисгармоничность и нарушение пропорций, присутствующих в некоторых описаниях в повести, рассуждения о трагичности человеческого существования позволяют рассматривать данное произведение как явление литературы постмодернизма. В. Пьецуху удается создать амбивалентный образ И.В. Гете. С одной стороны, он великий немец, творчество которого является достоянием не только немецкой, но и мировой культуры, с другой – беседы с русским обывателем, представленные в повести показывают, что и великим людям оказываются не чужды излишняя категоричность, заблуждения, некоторые причуды и несколько поверхностные рассуждения об их современниках или предшественниках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданова О.В. Постмодернизм: к истории явления и его органичности современному русскому литературному процессу // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2003. Сер. 2. Вып. 2 (№ 10). С. 73–88.
2. Кенько А.А. Категория русского национального характера в творчестве Вячеслава Пьецуха // Проблемы истории, филологии, культуры. 2007. № 18. С. 242–249.
3. Кувшинова М.С. «Ночные бдения» Бонавентуры как культурологический феномен // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 3 (9): в 3-х ч. Ч. I. С. 88–92.
4. Лихина Н.Е. Иронический дискурс творчества В. Пьецуха // Слово. ру: Балтийский акцент. 2013. № 4. С. 53–62.

5. Могилевская О.С. Проблема «русскости» в публицистическом творчестве В.А. Пьецуха // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 7 (256). С. 118-122.
6. Пьецух В. Ночные бдения с Иоганном Вольфгангом Гете. Режим доступа URL: <http://www.lib.ru/%3E%3C/PROZA/PIECUH/gete.txt> (дата обращения: 29.10.2021)

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Bogdanova O.V. Postmodernizm: k istorii javlenija i ego organichnosti sovremennomu rus-skomu literaturnomu processu // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2003. Ser. 2. Vyp. 2 (№ 10). S. 73–88.
2. Ken'ko A.A. Kategorija russkogo nacional'nogo haraktera v tvorcestv Vjacheslava P'ecuha // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2007. № 18. S. 242-249.
3. Kuvshinova M.S. «Nochnye bdenija» Bonaventury kak kul'turologicheskij fenomen // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2011. № 3 (9): v 3-h ch. Ch. I. S. 88-92.
4. Lihina N.E. Ironicheskij diskurs tvorcestva V. P'ecuha // Slovo. ru: Baltijskij akcent. 2013. № 4. S. 53-62.
5. Mogilevskaja O.S. Problema «russkosti» v publicisticheskom tvorcestve V.A. P'ecuha // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. 2017. № 7 (256). S. 118-122.
6. P'ecuh V. Nochnye bdenija s Iogannom Vol'fgangom Gete. Rezhim dostupa URL: <http://www.lib.ru/%3E%3C/PROZA/PIECUH/gete.txt> (data obrashhenija: 29.10.2021)

Поступила в редакцию 10.12.2021.

Принята к публикации 13.12.2021.

Для цитирования:

Мельникова Л.А. Образ Гёте в повести В. А. Пьецуха «Ночные бдения с Иоганном Вольфгангом Гёте» // Гуманитарный научный вестник. 2021. №12. С. 229-234. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/12/Melnikova.pdf>